

III. Страницы новейшей истории

Ларс Карл

Крестьянские войны под двуглавым орлом: возрождение российского казачества девяностых годов*

«Я считаю – а также казаки и русское население, что казачество является столпом русского государства. И так было всегда в нашей истории. Казачество – это основа. У нас есть пословица: “Живут казаки, живет Россия!” Нет России без казаков и нет казаков без России. Мы благодарны нашему Президенту за Декреты о казачестве и поддерживаем его и его правительство. В это тяжелое время мы являемся гарантами стабильности, гарантами Конституции, справедливости. Эти роли мы уже исполняем.»

В.В. Ратьев, Главный атаман казачьих войск
России и зарубежья, в 1994 г.¹

Вплоть до распада Советского Союза международные исследователи казачества придерживались единого мнения, что с победой большевиков казачество раз и навсегда утратило свою роль самостоятельной исторической силы.² Борьба казаков за утверждение своей идентичности во время гражданской войны 1917-1920 гг. рассматривалась как «последняя вспышка русского казачества».³ Но с крушением многонациональной советской империи и последующей потерей ориентации и поисками новых типов интеграции, а также возрождением национальных и региональных традиций, в 1990 году начался ренессанс казачества. В последующие годы было обнаружено, что казаки с их общественными и политическими

* Ранее опубликовано в сборнике: Karl L., Polianski I.J. (Eds.). *Geschichtspolitik und Erinnerungskultur im neuen Russland*. Göttingen, 2009. P. 187-214.

¹ Интервью с В.В. Ратьевым, 28 июня 1994 г.

² Karmann R. *Der Freiheitskampf der Kosaken: Die Weiße Armee in der russischen Revolution 1917-1920*. Puchheim, 1985. P. 667; Longworth P. *Die Kosaken: Geschichte und Legende*. Wiesbaden, 1971. P. 278.

³ Goehrke C. *Historische Selbststilisierung des Kosakentums: Ständische Traditionen als Integrationsideologie* // Lemberg H., Nitsche P., Oberländer E. (Eds.). *Osteuropa in Geschichte und Gegenwart*. Köln/Wien, 1977. P. 359-375.

амбициями представляют собой специфический социально-этнический феномен, роль которого нельзя недооценивать и для будущего России.⁴

Тот факт, что вновь учрежденные казачьи объединения – это не только фольклорные группы, которые ограничиваются ношением традиционной казачьей униформы, становится очевидным уже при взгляде на их уставы и программы, в которых речь идет о далеко идущих политических и экономических целевых установках. Так, например, к важным аспектам их современной программатики принадлежат, среди прочего, восстановление казачьего самоуправления в традиционных для казаков или их потомков областях проживания, возобновление традиций «казачьей демократии», а также военная реорганизация казачества.⁵ Страницы

Тем самым возрождение казачества входит составной частью в процесс образования новой политической культуры, ведет к конкретным политическим решениям, и вследствие этого самым тесным образом связано с вопросом установления рыночной экономики и демократии в современной России. С одной стороны, казачество – это во многих случаях полувоенные союзы или в определенной степени военизированные общины, которые зачастую являются носителями национально-консервативного образа мышления, от которого трудно ожидать демократических взглядов в их западном понимании. С другой стороны, некоторые, в первую очередь российские эксперты и сторонники демократии казачьего *Круга*, придерживаются мнения, что именно казачья традиция может способствовать установлению подлинных «базисных демократических» элементов, как, например, уважение регионального самоуправления или делегирование права принятия решений избранным обществом собраниям. В любом случае кажется правомерным вопрос, может ли коллективная память казачества содержать в себе, по крайней мере, на региональном уровне определенные шансы для усиления демократического мышления и структур.

При такой постановке вопроса должны быть освещены следующие положения: (1) существующие на сегодняшний день казачьи организации и их политическая направленность, (2) юридическая реабилитация казачества после 1991 года, (3) проблема самоуправления, а также еще неразрешенный вопрос земель и собственности на территориях бывших «казачьих» поселений, (4) традиционные концепции перераспределительных общин и так называемой демократии *Круга*, (5) вопрос военной реорганизации казаков, и, наконец, (6) феномен возможного частичного обновления существовавших в царской империи привилегий казаче-

⁴ Gehrman U. Die Donkosaken: Regionalismus als Komponente der russländischen Erneuerung // Berichte des Bundesinstituts für ostwissenschaftliche und internationale Studien (далее: BIOst). 1996. No. 11. P. 8.

⁵ Казачество: прошлое и настоящее / Под ред. М.М. Загорюлько. Волгоград, 2000. Традиционалистский и национал-патриотический взгляд в публицистике: Казачьему роду нет переводу: сборник / Под ред. В.А. Латынина, Т.А. Соколовой. М., 1993; Казачество: мысли современников о прошлом, настоящем и будущем казачества. Ростов на Дону, 1992; Возрождение казачества: история и современность. Новочеркасск, 1995.

ства. В данном исследовании не рассматривается вопрос отношений между российским казачеством и православной церковью, а также этнически «нерусские» казачьи ренессансные движения, как, например, движение калмыков, так как эти темы выходят за рамки данной статьи.⁶

Поскольку современное казачье самоопределение в целом определяется его историческим пониманием, сначала будет сделана попытка объяснить разнообразные и во многих отношениях противоречивые идентификационные концепции вновь возникшего в девяностых годах в России казачьего движения посредством курсорного обозначения его важнейших исторических исходных точек и крупнейших периодов развития казачества.

1. От «свободных воинов» к опоре самодержавия – краткий исторический обзор

Историю восточнославянского казачества⁷ до революционного 1917-го года можно условно разделить на два периода. Первый период характеризуется формированием «свободного», относительно независимого от государственных влияний казачества, происхождение которого еще не получило окончательного научного объяснения.⁸ С уверенностью можно утверждать лишь то, что начиная с XV века степные области Восточной Европы, в которых на тот момент образовался вакуум власти между мусульманскими, католическими и православными регионами, заселялись славянскими крестьянами, которые таким способом стремились избежать растущих притеснений со стороны землевладельцев. По примеру кочевавших по этим областям тюркских племен, они обеспечивали себе существование как воины и как животноводы. Вначале центры казачества располагались в районах нижнего Днепра и нижнего Дона,⁹ и далее на востоке на реках Терек¹⁰ и

⁶ Шовунов К.Р. Калмыки в составе российского казачества - вторая половина XVII-XIX. вв. Элиста, 1992.

⁷ Этимологическое происхождение слова «казак» является спорным. Возможно происходящее из тюркско-татарского языка, название часто переводится как «свободный воин», «разбойник», «кочевник», «страж» или «свободный человек». В русском языке вокабулой «казак» обозначается свободолюбивый, бесстрашный и вспыльчивый человек. Schalhorn B. Kosaken // Torke H.-J. (Ed.). Lexikon der Geschichte Russlands: Von den Anfängen bis zur Oktober-Revolution. München, 1985. P. 212; Melamedov G. Die Wiedergeburt des Kosakentums // Wostok. 1992. No. 6. P. 41.

⁸ Stökl G. Die Entstehung des Kosakentums. München, 1953; Rostanowski P. Siedlungsentwicklung und Siedlungsformen in den Ländern der russischen Kosakenheere. Berlin, 1969; Seaton A. Horsemen of the Steppes: The Story of the Cossacks. L., 1985. С точки зрения советской историографии: Хмелевский К.А. Из истории Дона (XII.-XX. вв.). Ростов на Дону, 1956.

⁹ Об этногенезе и возникновении первых казачьих объединений на Дону см.: Дулимов Е.И. Славяне средневекового Дона. Ростов на Дону, 2001; Скорик А.П. Возникновение донского казачества как этноса: изначальные культурные традиции. Новочеркасск, 1992. Об истории

Яик¹¹ (Урал). В дальнейшем в Украине, на территориях которые контролировало литовско-польское государство, образовалось самостоятельное казачество с собственным самоопределением.¹²

Хотя в значительности и деятельности отдельных казачьих групп и содержались отличия, для них всех были характерны постоянные столкновения с соседствующими народами или народностями, что впоследствии сказалось на их общественной организации. Казаки практиковали ту смесь беспощадного авторитаризма и примитивной демократии, которыми отличаются общества, живущие среди опасного окружения и члены которых полностью зависят друг от друга. Каждое подразделение состояло из сотни человек, при необходимости проводились всеобщие советы. Предводитель казаков, *гетман* или *атаман*, избирались или отстранялись от руководства на этих собраниях казаков, которые носили название *Круг*. Также на них устанавливались права на охоту и рыбалку, принимались решения о военных походах, и распределялась добыча. Таким образом, в казачьих областях вскоре образовалась особая система самоуправления и ведения хозяйства.

За пределами украинских областей казаки все чаще применяли свою военную мощь в свободных союзах с московским царем.¹³ Этот период развития, продолжавшийся с середины XVI до конца XVII вв., был тесно связан с открытием и завоеванием Сибири, оборонительной войной казаков, действовавших в качестве пограничных солдат на периферии московского государства против татар и турок, а также боями против польской короны. Последствием становившихся все более тесными связей с Москвой было то, что бунтарский потенциал внутри казачества находил своих сторонников среди недовольных в соседних российских областях, и социальные напряжения на казачьих землях быстро распространялись на подданных Царя и выливались в постоянно повторяющиеся восстания и военные походы мятежных крестьян и казаков против Москвы.¹⁴ Следующие за этими восстаниями штрафные военные походы и установление строгих регламентаций со стороны Москвы, а одновременно все более интенсивные союзы ка-

донских казаков см.: Казачий Дон: очерки истории / Под ред. А.П. Скорика. Ростов на Дону, 1995.

¹⁰ Barrett T.M. At the Edge of Empire: The Terek Cossacks and the North Caucasus Frontier, 1700-1860. Boulder, 1999; Коломиец В.Г. Очерки истории и культуры терских казаков. Нальчик, 1994; Омельченко И. Царское село. Владикавказ, 1997.

¹¹ Об истории уральских и сибирских казаков: Иванов В.А. История казачества на Урале. Стерлитамак, 2001; Миненко Н.А. Казаки Урала и Сибири в XVII-XX вв.: сборник научных трудов. Екатеринбург, 1993; Титлина Е.Ю. Политика российского государства в формировании дальневосточного казачества. М., 1996.

¹² Bürgers J. Kosakenmythos und Nationsbildung in der postsowjetischen Ukraine. Konstanz, 2006; Kumke C. Führer und Geführte bei den Saporoger Kosaken: Struktur und Geschichte kosakischer Verbände im polnisch-litauischen Grenzland (1550-1648). Berlin/Wiesbaden, 1983.

¹³ Гордеев А.А. История казаков. Т. 2: Со времени царствования Иоанна Грозного до царствования Петра I. М., 1991; Нелепин Р. История казачества. СПб., 1995.

¹⁴ Например, под предводительством Болотникова (1606/07), Разина (1670/71), Пугачева (1773/74).

заков с Царем привели в конце концов к тому, что казачество все более теряло свою независимость.¹⁵

Таким образом, второй большой этап развития проходил под знаком постепенного превращения «свободного» казачества в особый составной компонент российского общества, который, специализируясь главным образом на военном деле, защите границ и завоевании новых областей, был действенным средством осуществления великорусских экспансионистских целей. С XVII века казачьи атаманы считали себя царскими подданными. Во времена правления Петра I традиционная «казачья демократия» была урезана в своих основных правах, что привело, к примеру, к тому, что казачьи атаманы назначались Царем. При Екатерине II процесс социального расчленения казачества был завершен. Признав за казаками определенные привилегии, такие как гарантия личной свободы, право на общинную землю, освобождение от подушной подати и других обязательств обычных российских подданных, а также посредством сведения функций казачества к исполнению военных поручений, Екатерине и ее преемникам удалось преобразовать казачество в стабилизирующую военную силу царской власти, которая охраняла кавказские и азиатские границы Российской империи, а позднее вводилась в действие против внутривосточных оппонентов власти.¹⁶

Начиная со второй половины XVIII до конца XIX вв. в рамках этого развития произошел роспуск старых и образование двенадцати новых, верных царской власти казачьих войск¹⁷ с их обособленными областями или землями (де факто военными колониями), которые находились повсюду на южных границах России. Несмотря на то, что казачье население выросло с 700.000 человек в 1826 году до 4,5 миллионов в 1917 году, оно было, в общем и целом, защищено от поглощения большими социальными контекстами как особое военное сословие посредством своей внутренней организации, которая не была поставлена под вопрос даже после «Великих реформ». Тем не менее, постоянную изолированность и привилегии удавалось все труднее сохранять вследствие прогрессирующей и сопровож-

¹⁵ Глушенко В.В. Интеграция казачества в структуру российской государственности: XVI-начало XX вв. М., 1998.

¹⁶ Глушенко В.В. Казачество в структуре государственности и политической истории России. СПб., 1999; он же. Хронология казачества в истории Российского государства. СПб., 2000; Гордеев А.А. История казаков. Т. 3: Со времени царствования Петра Великого до начала Великой войны, 1914 года. М., 1992; Шишов А.В. Казачьи войска России: от вольных казаков до Резервного Казачьего войска. М., 2004.

¹⁷ В европейской части России Донское, Уральское, Астраханское, Кубанское и Терекское войска; в азиатской части Сибирское, Оренбургское, Забайкальское, Семиреченское, Амурское, Уссурийское, Енисейское войска, а также Якутский полк. См. об этом: Агафонов О.В. Казачьи войска Российской империи. Калининград, 1995; Талушко Ю.А. Казачьи войска России: краткий историческо-хронологический справочник казачьих войска до 1914 г. М., 1993; Шишов А.В. Казачьи войска России. М., 2007. Собрание источников по истории казачьих войска в Сибири: Казачьи войска азиатской России в XVIII - начале XX века (Астраханское, Оренбургское, Сибирское, Семиреченское, Уральское): Сборник документов / Под ред. Н.Е. Бекмахановой. М., 2000.

дающейя многочисленными социально-экономическими противоречиями индустриализации царской империи.

В добавление к этому недовольство царским режимом подпитывалось опытом казаков в Первой мировой войне: фронтальные кавалерийские атаки находящейся на линии 360-тысячной армии казаков заканчивались в большинстве случаев огромными численными потерями и демонстрировали бесполезность конных соединений в позиционной войне.¹⁸

«Белое» казачество в гражданской войне и ссылке

Симптомы распада и растущая социальная неудовлетворенность к началу прошлого столетия привели, в конце концов, к тому, что большая часть казачьих войск вначале поддержала образовавшееся после февральской революции Временное правительство. Собственные интересы, анархия, личные амбиции отдельных атаманов и не в последнюю очередь разразившаяся после октябрьской революции гражданская война между «красными» и «белыми» привели к тому, что объединившиеся на тот момент в единый союз казачьи общины вскоре огласили требование казачьей автономии, что закончилось возникновением кратковременных казачьих республик на Дону, в Оренбурге и Семиреченске. Впоследствии эти республики не смогли отстоять себя, ощущая с одной стороны давление большевиков, а с другой стороны воюя в составе «добровольческих армий» Антона Деникина и Петра Врангеля.¹⁹

Несмотря на то, что советское правительство принципиально и бескомпромиссно отклонило все без исключения притязания казаков на автономию и особые права, оно приложило усилия, чтобы привлечь на свою сторону беднейшую, восприимчивую к претензиям большевиков часть казачества. В конце концов, хорошо подготовленная кавалерия по образцу казаков имела неослабевающее значение в маневренной войне в степи и, таким образом, была жизненно важной для большевиков. Уже летом 1919 года был сформирован «Красный кавалерийский корпус», рекрутированный в основном из донских и кубанских казаков, который сражался под руководством Семена Буденного на стороне правительства Советов.²⁰

¹⁸ Гордеев А.А. История казаков. Т. 4: 1914-1918 гг. Отречение государства. М., 1993. О ситуации царской империи во время Первой мировой войны: Linke H.G. Das zarische Russland und der Erste Weltkrieg: Diplomatie und Kriegsziele 1914-1917. München, 1982; Siegelbaum L.N. The Politics of Industrial Mobilization in Russia, 1914-17: A Study of the War-Industries Committees. L., 1983; Россия и первая мировая война / Под ред. Н.Н. Смирнова. СПб., 1999.

¹⁹ См.: Karmann R. Der Freiheitskampf der Kosaken: Die Weiße Armee in der Russischen Revolution 1917-1920. Puchheim, 1985; Katzer N. Die Weiße Bewegung in Russland. Köln, 1999.

²⁰ Longworth. Die Kosaken. P. 241-242.

Но бóльшая часть казачьих союзов Дона, Терека, Урала и Астрахани постепенно примыкала к войскам «добровольческой армии» Деникина в основном по причине введенных уже во время гражданской войны репрессивных мер против казачества. Также и в Сибири подавляющая часть тамошних казачьих войск пошла навстречу обещаниям Александра Колчака дать автономию казакам.²¹ Когда «армия добровольцев», находящаяся на тот момент под командованием Врангеля была окончательно разбита в конце 1920 года в Крыму, ее остатки, в их числе 50,000 казаков, были эвакуированы, обосновавшись впоследствии на Балканах, в Польше, Чехословакии, Германии, Франции, США.²²

Преобладающей части эмигрировавших казаков было чрезвычайно трудно приспособиться к новым условиям в изгнании. Лишь немногие из них имели после эмиграции определенную цель перед глазами, большинство же, прибыв за границу без средств к существованию, было настолько деморализовано, что только в редких случаях оно было в состоянии интегрироваться в стране, давшей казакам убежище, языком которой они, как правило, не владели. Лишь членам казачьих хоров и цирковых трупп наездников, которые выступали в межвоенное время во всех крупных городах Европы, удалось относительно легко интегрироваться.²³

Настоящими хранителями казачьих традиций считались те эмигранты, которым благодаря лучшему образованию удалось быстро приспособиться к условиям эмиграции, чтобы вскоре обсуждать, во вновь созданных общинах, возможности политического будущего казачества. В этих дебатах, правда, политические взгляды кардинально расходились: конституционные демократы, такие, как Сергей Ефремов подчеркивали идею равноправия в казачестве, историки же, как, например, Сватиков или Щербина представляли себе демократию в том виде, как она традиционно существовала в *Круге*.²⁴ Еще один казачий центр образовался вокруг генерала Петра Краснова,²⁵ проживавшего сначала в Париже, а с 1936 го-

²¹ Bisher J. *White Terror: Cossack Warlords of the Trans-Siberian*. L./N.Y., 2005.

²² Многие из тех 50,000 тысяч казачьих эмигрантов, которые покинули Крым в ноябре 1920 года и были затем размещены во французских военных лагерях западнее Стамбула и на острове Лемнос, не верили в свое окончательное поражение и надеялись вскоре снова вернуться на родину с помощью британских и французских сил. Когда же Франция объявила в марте 1921 года, что она больше не собирается оказывать поддержку находящейся под ее покровительством казачьей армии, последняя была принуждена к немедленному роспуску. Longworth. *Die Kosaken*. P. 256-257.

²³ Kucher K. *Vom Flüchtlingslager in die Konzertsäle: Die Geschichte des Don-Kosaken-Chores // Osteuropa*. 1997. No. 5. P. 57-68.

²⁴ Сватиков С.Г. *Россия и Дон (1549-1917)*. Wien, 1924; он же. *Россия и Сибирь: К истории сибирского областничества в XIX в.* Praha, 1930.

²⁵ Краснов Петр Николаевич (1869-1947) выходец из семьи казачьих генералов, Первую мировую войну закончил в звании генерал-лейтенанта, в октябре 1917 одним из первых повел свои казачьи войска против большевиков, попал в плен к большевикам и был освобожден под честное слово, никогда больше не выступать против Советов. После того, как в мае 1918 года он был избран атаманом Донского войска, Краснов играл ведущую роль на стороне Германии в свержении советской власти на Дону, но после поражения Германии вынужден был признать

да в Берлине, и издававшего совместно с эмигрантами-единомышленниками ежемесячный журнал, который, помимо антисемитской пропаганды, рисовал идеализированный образ старого казачьего края и его лояльных «пограничных рыцарей».

«Красное» казачество Советского Союза

Оставшихся на родине казаков в годы и десятилетия после октябрьской революции ожидала противоречивая судьба. После того как 10 ноября 1917 года Декретом ВЦИКа Совнаркома казаки были лишены всех привилегий и особых сословных прав, их традиционный образ жизни был практически разрушен проводимым с тех пор жестким «расказачиванием». Начатая большевиками еще в годы гражданской войны политика в отношении казачества проходила не в запланированном уходящей царской империей ключе урбанизации и модернизации казачьих областей, но свелась к их более раннему, чем у других социальных и этнических групп, физическому истреблению, вынужденному переселению, экспроприации и изгнанию в эмиграцию.²⁶

Архивные документы, находившиеся в строгой секретности в советское время и ставшие общедоступными только после 1991 года, доказывают, что говоря о физическом устранении казачества, речь идет о систематическом и целенаправленном процессе, а не единичных ошибках и перегибах. Яков Свердлов отдал распоряжение в январе 1919 года о «беспощадном массовом терроре» против казаков, Серго Орджоникидзе отдал приказ 17 апреля 1921 года о проведении в течение одного лишь дня депортации 70 тысяч терекских казаков из мест их поселения во Владикавказской области, причем 35 человек были убиты еще в тот же день.²⁷ В казачьих областях Дона и Кубани, по достоверным оценкам, в 1919 и 1920 году были убиты или депортированы в общем от 300 до 500 тысяч человек, при этом общая численность населения не превышала трех миллионов.²⁸

своим главнокомандующим протеже Антанты Деникина. В конце концов, Краснов ушел со службы вследствие разногласий с руководством «добровольческой армии» и эмигрировал в Германию, начав там свою писательскую деятельность, направленную на прославление казачества. Краснов П.Н. Казачья Слава: История донского казачества. Очерки истории Войска Донского. М., 2007.

²⁶ Декрет «О земле» от 25 октября 1917 особенно сильно ударил по казакам, так как каждый крестьянин, который владел больше чем 30 десятинами земли (что относилось к большинству казачьих хозяйств), считался кулаком, его собственность экспроприировалась, он лишился своих прав, его отправляли на принудительные работы и могли даже уничтожить физически. Gehrman U. Das Kosakentum in Rußland zu Beginn der neunziger Jahre: Historische Traditionen und Zukunftsvisionen // BJOst. 1992. No. 11. P. 28.

²⁷ Gehrman. Das Kosakentum in Rußland. P. 21.

²⁸ Werth N. Ein Staat gegen sein Volk: Gewalt, Unterdrückung und Terror in der Sowjetunion // Courtois St. et al. (Eds.). Das Schwarzbuch des Kommunismus: Unterdrückung, Verbrechen und Terror. München, 1998. P. 51-295, здесь: 117.

Не в последнюю очередь эти меры привели к тому, что в начале 1920-х во многих российских пограничных областях, особенно в Кубанской области, образовывались банды, состоявших в основном из казаков, которые вели мелкомасштабные партизанские войны против ЧК и Красной кавалерии, удерживаясь месяцами и даже годами в недоступных местностях северного Кавказа.²⁹

Вторая составляющая советского «расказачивания» заключалась в отделении больших частей казачьих территорий от России или в их присоединении к составу других республик или автономных областей внутри РСФСР. В полной мере это коснулось уральских, сибирских, оренбургских и семиреченских казаков, войск кавказского направления и кубанского войска, что сегодня роковым образом отражается в поднятой в связи с возрождением казачества проблеме национальной принадлежности.³⁰

Временное улучшение своего положения казаки почувствовали только в середине двадцатых годов, когда Генсек РКП(б) и бывший Комиссар по делам национальностей, Иосиф Сталин признал за ними, по крайней мере, право на ношение традиционной одежды и соблюдение народных обычаев. Сталин и сам в августе 1925 стал «почетным казаком» одной из станиц. Новое советское правительство, судя по всему, осознало, что население бывших казачьих областей можно склонить к чему-то новому только в случае, если пойти им на определенные уступки. Была принята пятилетняя программа, которая предусматривала достаточное количество земельных участков для беднейшего казачьего крестьянства и предоставляла большие сельскохозяйственные кредиты для казачьих областей. Параллельно с этим партия увеличила свои усилия по вербовке казаков своими членами, и в январе 1925 года была принята частичная амнистия казачества, в связи с которой казакам было разрешено служить в Красной армии (но только при условии, что они уже сражались в гражданской войне на стороне советской власти).³¹

Новая волна репрессий охватила казачество в 1930-34 гг., когда казацкое население Дона, Кубани, Терека и Сибири поднимало восстания против проводимой советской властью принудительной коллективизации. Для их подавления были введены в бой танки и военные самолеты. 15 тысяч восставших были убиты, тысячи – депортированы.³² Новый поворот произошел в 1936 году – 20 апреля этого года ВЦИК принял решение упразднить большинство существовавших ограничений по службе казаков в Красной армии, а маршал Климент Ворошилов отдал распоряжение, чтобы пять кавалерийских дивизий получили казачьи имена и униформы.

²⁹ Longworth. Die Kosaken. P. 258-259.

³⁰ О традиционных географических районах поселений отдельных казачьих войск: Wende D. Im Wilden Feld: Aus der Geschichte der Kosaken. (Ost-)Berlin, 1988. P. 334-335.

³¹ Gehrman. Das Kosakentum. P. 23; Longworth. Die Kosaken. P. 262.

³² Longworth. Die Kosaken. P. 264-265.

Мечта о «Кзакии» – казаки во Второй Мировой войне

События Второй Мировой войны привели решающим образом к дальнейшему увеличению пропасти, образовавшейся еще в гражданскую войну между допускающими или поддерживающими советскую систему казаками, с одной стороны, и казаками ее отвергающими или сражающимися против нее, с другой.

Первые, насчитывавшие более ста тысяч, лояльные и воюющие за Советский Союз казаки, нередко награждались высшими наградами за храбрость за свои героические поступки, совершенные под руководством Павла Белова, Николая Кириченко, Иссы Плиева и Алексея Селиванова. Одновременно с этим и во Второй Мировой войне обнаруживался, как это было еще в боях Первой Мировой войны, анахронизм казачьей кавалерии. Хотя в этот раз, в отличие от 1914-1917 гг. велась маневренная война, но казацкому военному искусству было далеко до техники «блицкрига». Казаки несли ужасающие потери, Доватор пал еще в 1941. Маршал Малиновский сказал после окончания войны: «Кзацкая кавалерия была красивой и очень живописной, но в таком ведении войны мало что могла сделать».³³

С другой стороны, наступающие немецкие войска, которые уже к осени 1942 заняли большую часть областей Дона и Кубани, встречали в местных казаках готовых к сотрудничеству союзников, которые были разочарованы потерей своих старых привилегий и испытывали отвращение к кампаниям советского правительства. От немцев они ожидали получения обратно своих стародавних автономных прав. Идеи подобного рода вызывали мало интереса в Министерстве по делам оккупированных восточных территорий Розенберга, который уже определил казаков, как представителей низшей расы. В СС также ничего не хотели знать о казачьей автономии. Только Вермахт видел в перебегающих казаках желанную вспомогательную силу, которую в 1943 году, распределив по отдельным эскадронам и поставив под немецкое командование, можно было вводить в бой в тылу против партизан.³⁴ Когда еще в том же году немецким главнокомандованием был отдан приказ об образовании казачьей дивизии под руководством генерала Гельмута фон Паннвитца, немецкие войска уже покинули казачьи области, и начавшееся воодушевление казаков относительно совместных действий с оккупантами уступило место глубокому разочарованию и деморализации. В конце концов, увеличенным до корпуса войскам после короткого ввода против югославских партизан не осталось ничего другого, как сдаться в мае 1945 года в Драутале наступающим британским войскам, что закончилось вызывающей до сегодняшнего дня жесточайшие споры выдачей 40 тысяч казаков с сопровождавшими их семьями Советскому Союзу. Их командиров, среди них и фон Паннвитц-

³³ Цит. по Longworth. Die Kosaken. P. 268-269.

³⁴ Newland S.J. Cossacks in the German Army. L., 1991.

ца, ожидал в Москве процесс за государственную измену, который закончился их казнью. Большинство выживших казаков были сосланы в Сибирь, где они находились в заключении вплоть до смерти Сталина.³⁵

Параллельно событиям на восточном фронте, генерал Краснов, который после прихода Гитлера к власти все больше приспособлялся к идеям нацистского руководства, похлопотал о создании «Казачьей Национальной партии», члены которой признавали Гитлера «высшим диктатором казачьей нации». Однако стремления Краснова убедить немецкое руководство в необходимости казачьего государства в оккупированном Советском Союзе не принесли плодов, а его замысел «Казаккии» в маленьком итальянском альпийском городке Тольмеццо в 1944 году свелся к нескольким страннным проектам. После этого ему также не осталось ничего иного, кроме как сдать британцам, чтобы в скором времени быть высланным ими в Советский Союз. Пример Краснова в известной степени является показательным для многих «белых» казачьих предводителей того времени, которые, как правило пребывая в эмиграции в Париже, Белграде или Берлине, подготавливали с помощью материальной и идейной поддержки вновь образованных казачьих общин свое возвращение в «освобожденные» от советской власти территории.³⁶

Подводя итоги можно сказать, что склонность к заключению союза с национал-социалистами среди «старой гвардии» казачьих эмигрантов была выражена намного сильнее, нежели у живущих в Советском Союзе казаков, большинство которых лояльно относилось к советской власти на всем протяжении войны: «Что бы они ни думали прежде о Сталине и коммунизме, теперь они были в первую очередь патриотами и разделяли страх, ненависть и презрение остальных русских по отношению к немцам».³⁷

Дискредитировавшее себя сотрудничеством с национал-социалистами казачество в эмиграции по окончании национал-социалистического господства в Европе было обречено на политическую незначительность. Вернувшиеся же с войны, в большинстве своем награжденные высшими орденами казаки Советского Союза окончательно интегрировались в процессе пережитого опыта войны совместно с «неказацкими» русскими в население советского государства,³⁸ а произошедшая в последующие десятилетия постепенная модернизация СССР, по всей видимости, стерла последние следы казачьей самоидентификации. Но этому тезису можно противопоставить начавшийся вследствие распада советской империи процесс возрождения восточнославянского казачества.

³⁵ О сдаче на Драве: Kirkwood R.C., Sanders J.D., Sauter M.A. *Soldiers of Misfortune: The Cold War Betrayal and Sacrifice of American POWs*. N.Y., 1994. P. 86-87, 92-93; Karner St. *Zur Auslieferung der Kosaken an die Sowjets 1945 in Judenburg* // Andritsch J. (Ed.). *Judenburg, 1945 in Augenzeugenberichten*. Judenburg, 1994. P. 243-259; Tolstoj N. *Die Verratenen von Jalta*. L., 1986.

³⁶ Краснов П.Н. *Казаки империи*. Ростов на Дону, 1998 (переиздание).

³⁷ Longworth. *Die Kosaken*. P. 267-268.

³⁸ Wende. *Im Wilden Feld*. О «советском» казачестве и его фольклористском направлении см.: Музей истории донского казачества (Новочеркасск). Ростов на Дону, 1978.

Выводы: разные модели идентичности сегодняшнего казачьего движения

Учитывая историю российского казачества, при взгляде на современное казачество можно сделать следующие выводы:

в русском казачестве одновременно существуют две культурные традиции. С одной стороны, «свободная», задуманная в ключе независимости от государства, поддерживающая свою самостоятельность традиция, с другой стороны, традиция, верная государству, направленная на сохранение российской империи;

различное историко-политическое самоопределение отдельных казачьих групп или казачьих войск, которое объясняется как различным весом традиций, так и возникшим в XX веке разделением на «красных» и «белых», не позволяет современному казачеству в России стать гомогенным объединением;

казачество как социальный феномен до сих пор переживало расцветы только во время периодически возвращающейся военной ангажированности российского государства.

Последующее краткое изложение основных казачьих течений в посткоммунистической России девяностых годов и выявление их исторических корней показательны для всей, охватывающей более 500 лет, истории казачества.³⁹

Автономисты со своими представлениями об автономной, но, тем не менее, связанной с Россией казачьей республике, во многих отношениях относятся к исконному казачеству раннего времени степных войн с его этническими характеристиками, которые сегодняшние протагонисты рассматривают как основы своей идентичности. Этому первому периоду развития с конца XV по конец XVII веков последовала фаза «национализации», которая сделала казаков военным сословием. XIX столетие и его войны скрепили эту постепенную трансформацию от вооруженного крестьянства до конной военной касты.

Государственники, воздавая дань традиции военного сословия поздней царской империи, видят свое задание, прежде всего, в самостоятельно управляемой службе великорусской родине и помощи её армии и полиции.

Самостийники, напротив, выступают за полностью независимый от России путь казачества и требуют сепаратного национального государства казачьего этноса. Ссылка на в высшей степени спорную часть новейшей истории казачества с исторической точки зрения сомнительно поддерживает их замысел.

³⁹ Holquist P. From Estate to Ethnos: The Changing Nature of Cossack Identity in the Twentieth Century // Schleifman N. (Ed.). Russia at the Crossroads: History, Memory and Political Practice. L., 1998. P. 89-123.

Для идеи «Казаккии» была характерна отчетливость, с которой политические цели имели влияние на историческое определение и выбор локации казаков. Вместо проекта имеющей будущее модели произошел идеологический возврат к устаревшим традиционным направлениям, которым казаки следовали тем более стилизовано и с обращением к прошлому, чем дальше они удалялись от современности. Поскольку объединение таким путем произойти не могло, идея «Казаккии» вскоре стала анахронизмом.⁴⁰

2. Постсоветское казачество как политическое явление – организация и политическая направленность

Возрождение казачества началось во второй половине восьмидесятых годов, когда в процессе всеобщего изменения системы ценностей и менталитета в Советском Союзе во время Перестройки, начали образовываться действующие сначала как неформальные группы казачьи организации-преемники или последователи, позиционировавшие себя как движение «низов». Как во многих других неформальных организациях, в казацком движении существовал тренд поиска защиты в традиционализме и национализме с помощью обращения к народной культуре, традициям и обычаям.⁴¹

Поначалу казацкое движение столкнулось с мощным сопротивлением коммунистической системы и ее партократии. При этом, как во всех бывших «социалистических» странах Восточной Европы в переломное время, в неформальные группы, в том числе и в казачьи, целенаправленно засылались агенты КГБ. Но затем, когда с основанием традиционалистских клубов вдоль старых южных границ России и возникновением первых казачьих землячеств в Москве к началу 1990-го года для казачества начался новый этап развития, высокопоставленные коммунистические функционеры и члены КГБ неожиданно выступили как «товарищи атаманы», чтобы создать «советское казачество» собственного образца. Таким образом, в состав руководящих кругов казачьих объединений с самого начала вступали многочисленные бывшие члены КПСС.⁴² Это принесло вновь возродившемуся казачеству дурную славу инструмента номенклатуры, которая пытается с помощью «казачьих» организаций обеспечить себе влияние на политические и экономические процессы.

⁴⁰ Goehrke. *Historische Selbststilisierung*. P. 371-372, 374; Karmann. *Freiheitskampf der Kosaken*. P. 198.

⁴¹ О сохранении фольклорных традиций на примере кубанских казаков: Вопросы казачьей истории и культуры / Под ред. А.Н. Соколовой. Майкоп, 2002.

⁴² Парамонов Б. «Скакал на серой кобыле...» // Литературная газета. 1992. № 41. С. 1.

Этот предрассудок, казалось, нашел себе подтверждение в июне 1990,⁴³ когда в Москве новоявленные казачьи землячества и организации Донской, Терекской и Кубанской областей, Сибири, Забайкалья и Дальнего Востока объединились во Всероссийский Казачий Союз. Участие в нем членов тогдашнего аппарата ЦК КПСС и партийных функционеров на местах, а также избрание за день до того окрещенного, бывшего коммуниста Александра Мартынова атаманом Казачьего Союза вызвали негодование прежде всего глубоко верующих казаков. Кроме того представления Мартынова о задачах находящегося в его подчинении Казачьего Союза обнаруживали своего рода «национал-большевистские»⁴⁴ тенденции. Так, например, в политической сфере речь шла об укреплении «единой» России и ее границ, а также о реставрации Союза «на новых условиях». В области экономики, например, было поставлено целью сохранение возникших в советское время форм аграрного хозяйства, т.е. колхозов и совхозов.⁴⁵

4 ноября 1991 года в качестве конкурирующей параллельной организации был основан

Союз Казачьих Войск, который позиционировал себя как подчеркнуто антикоммунистическая организация, которая видит себя продолжателем традиции казаков, воевавших во время гражданской войны *против* большевиков, и сознательно пытается опираться на этатистскую традицию российского казачества: «С развитием казачьего движения казаки вытеснили партийную номенклатуру. Мы восстановили Союз Казачьих Войск России. В царское время главный атаман всегда был престолонаследником. Последним главным атаманом был царевич Алексей. Если бы монархия вернулась, я бы с удовольствием передал свой пост Царю. Но сегодня Россия имеет другую политическую систему».⁴⁶ Наряду с этими организациями в качестве третьей надрегиональной казачьей организации существует основанный в том же ноябре 1991 года Казачий Союз Южной России,

⁴³ К этому моменту из приблизительно двух миллионов живущих в Советском Союзе казаков или казачьих потомков 74,800 были организованы в объединения-преемники казачьих войск. Gehrman. Das Kosakentum. P. 9.

⁴⁴ Под термином «национал-большевизм» здесь следует понимать наблюдаемое в России с начала девяностых слияние коммунистических идей с реакционными, религиозно-клерикальными и националистически окрашенными установками. К современным идеологическим процессам, пустившим корни в посткоммунистической России, принадлежит частое (в основном со стороны бывшей номенклатуры) возвращение к православным христианским и традиционным шовинистским стереотипам, чтобы соединить их с частями уже не актуальной более марксистско-ленинистской идеологии. Ignatow A. Das postkommunistische Vakuum und die neuen Ideologien: Zur gegenwärtigen geistigen Situation in Russland // Osteuropa. 1993. No. 4. P. 311-327, здесь p. 316; idem. Geopolitische Theorien in Russland heute // BIOst. 1998. No. 17; Gabowitsch M. Der russische «Nationalpatriotismus» der Gegenwart und sein Verhältnis zum Kommunismus // Backes U. (Ed.). Rechtsextreme Ideologien in Geschichte und Gegenwart. Köln, 2003. P. 311-338.

⁴⁵ Gestwa K. Die Wiedergeburt des Kosakentums // Osteuropa. 1993. No. 3. P. 452.

⁴⁶ Интервью с В.В. Ратьевым, 28-ого июня 1994.

который ориентируется среди прочего на ультраправые силы, например, на ЛДПР Владимира Жириновского.⁴⁷

Различная политическая направленность крупнейших казачьих организаций и связанные с этим разногласия зачастую имеют своим происхождением расхождения в самоопределении членов этих организаций. Спор об этническом характере казачества, а также возникшее в прошлом столетии разделение на «красных» и «белых» казаков препятствуют решению основного вопроса самоопределения современного казачества.

Несмотря на это, все казачьи организации объединяет требование безоговорочной реабилитации казачества, а их общая история во времена царской империи имеет объединительный идентификационный потенциал. Приемлемую для всех идеологическую основу предлагает известная уваровская триада «Православие, Самодержавие, Народность». Помимо этого, все казачьи объединения выдвигают требования о неприкосновенности границ и защите русских от «нерусского населения» как в России, так и в других республиках бывшего СССР. Исходящие из этого идеологического фундамента конкретные прагматические требования различаются только степенью их радикальности, что приводит к тому, что границы между отдельными союзами с самого начала были более зыбкими, чем это принято считать.⁴⁸ Тем самым постсоветских казаков, в особенности новое казачье руководство, в их опоре на историю царской империи и с их историческими прообразами, можно отнести к «неорусофильским» силам, которые традиционно склоняются скорее к русскому национализму, чем к приверженцам западной демократии.

Уже в скором времени казачеству удалось, благодаря притоку десятков тысяч людей к его организациям-последователям, а также самоуверенному поведению его атаманов стать важным фактором в политическом процессе посткоммунистической России, на поддержку которого надеялась каждая стремящаяся к власти в Москве сила. Это проявилось и в ускорении юридической реабилитации казачества.

В феврале 1991-го г. Борис Ельцин, на то время председатель Верховного Совета РСФСР, обещал им свою поддержку, а 26 апреля того же года Верховный Совет принял закон «О реабилитации репрессированных народов», которым казакам предоставлялась возможность предъявить требование о возвращении политической автономии, а также на возмещение земли и собственности. Это привело к созданию 28 февраля 1992-го г. парламентской комиссии, а около месяца спустя к образованию правительственной комиссии для разработки дальнейших законодательных проектов с представителями казачьих объединений. Под давлением своего политического конкурента Руцкого, который объявил «возрождение доблестного русского казачества» национальным долгом, Президент Ельцин под-

⁴⁷ Жириновский В.В. Любо смотреть на вас, казаки. М., 1999.

⁴⁸ Сороко А. Атаманам Жириновского // Литературная газета. 1992. № 47. С. 11.

писал 15 июня 1992 года Указ о политической и юридической реабилитации казаков. Во втором же президентском Указе от 1993 года Ельцин снова пошел на встречу требованиям казаков о реабилитации, чтобы обеспечить себе в преддверии апрельского референдума необходимую ему поддержку на периферии. Эти решения, которые, по всей видимости, принимались в первую очередь из краткосрочных политических соображений, привели к обострению ситуации на периферии российского государства и к созданию новых проблем в сферах экономики и управления, о чем пойдет речь ниже.⁴⁹

3. Казачье самоуправление – казацкая община и демократия *Круга*

На основании своих исторических истоков вновь образованное казачество позиционировало себя как народное движение, которое, словами казачьих спикеров, своим принципом равенства и своими представлениями о самоуправлении могло бы дать процессу демократизации в России новые импульсы.⁵⁰ На самом же деле, предоставление казакам московским руководством права на политическую автономию в смысле собственных структур управления, особенно в традиционных казачьих областях Волги и Дона, создало многочисленные и многоуровневые проблемы.⁵¹

С одной стороны встал вопрос об интеграции уже существовавших государственных структур управления во вновь образовавшееся или образующееся на то время самоуправление казачьих деревень. Устранение «двоевластия» между новыми казачьими атаманскими правлениями и «старыми» государственными управленческими аппаратами усложнялось во многих местах требованиями казаков восстановить старые, образованные еще в дореволюционное время казачьи военные округа, границы которых часто не совпадали с существовавшими на то время областными и районными границами.⁵²

Еще одна специфическая проблема появилась в традиционных казачьих областях, которые после 1917 года были отделены от России и присоединены к составу других автономных областей или республик. Здесь решение вопроса собственности находилось в прямой взаимосвязи с одной из наибольших проблем бывшего СССР – национальным вопросом. Среди существовавших вдоль всей

⁴⁹ Gehrman U. Russlands «neue Kosakenpolitik» // Osteuropa. 1996. No. 6. P. 548-564.

⁵⁰ О современных установках казачьего самоуправления см.: Дулимов Е.И., Золотарев И.И. Самоуправление казаков: история и современность. Ростов на Дону, 1998; Воголацкий В.П. Организация казачьего самоуправления. Ростов на Дону, 2000; Химякова В.Ф. Становление казачьего самоуправления. Ростов на Дону, 1998.

⁵¹ Gehrman U. Die Donkosaken: Regionalismus als Komponente der russländischen Erneuerung // ВIOst. 1994. No. 23.

⁵² Савельев В. Что посеет казак? // Сельская жизнь, 10 апреля 1993 г.

старой российской пограничной линии от Кавказа⁵³ до озера Байкал очагов конфликтов и кризисов новый виток переживали в особенности исторические противоречия между казаками и казахами.⁵⁴

К тому же проблемы, связанные с восстановлением казачьего самоуправления имеют не только технически-управленческий аспект. С его возникновением российскому государству грозит опасность потерять контроль над нижними уровнями управления некоторых областей. Такое предоставление постоянных привилегий противоречит государственному принципу равноправия и единого подхода ко всем гражданам государства. Помимо этого восстановление казачьей автономии ставит вопрос об интеграции неказачьего населения в казачьих областях. Так, например, атаманы казачьих объединений нередко использовали вновь обретенную автономию для ограничения других групп населения, чтобы создать «своим» казакам преимущества в борьбе за раздел земли, власти и собственности.⁵⁵ И так как российское правительство в 1990-х считало себя хранителем правового государства, ориентированного на западные ценности равноправия всех групп населения, оно должно было бы вмешаться.

От колхоза к станице – казацкая община

В связи с восстановлением казачьего самоуправления казакам были предоставлены широкие права по введению землепользования в казачьих областях. При этом речь шла о традиционном русском экономическом укладе коллективных общин, при котором вся общинная земельная собственность распределялась на все хозяйства соответственно количеству мужчин в возрасте от 16 до 60 лет.⁵⁶ Эту землю можно было унаследовать, сдать в аренду, но ни в коем случае не продавать лицам, не принадлежащим к общине.⁵⁷

В программных документах казачьего руководства в связи с этим было предложено решение аграрного вопроса, которое следует старым принципам коллективной ответственности, а также общинного землевладения.⁵⁸ Однако этот замысел предполагает, что вся земля, которая была экспроприирована у казаков во время советского господства, должна снова безвозмездно быть переданной в собственность казачьих войск. При этом игнорировалось, что социально-экономические условия бывших казачьих станиц за последние семьдесят лет кардинально изменились. Многочисленные казаки или их потомки после форсированной ур-

⁵³ Глущенко В.В. Казаки и народы Кавказа. Ростов на Дону, 1999.

⁵⁴ Абдиров М.Ж. История казачества Казахстана. Алматы, 1994.

⁵⁵ Ткаченко П. А лица, не прошедшие приписку? // Литературная газета. 1992. № 47. С. 11.

⁵⁶ Женщины, как правило, или не учитывались совсем, или только как «половина мужчины».

⁵⁷ Лукомец М.И. Эволюция земельных отношений казачества: XV-XX века. Краснодар, 2003.

⁵⁸ Gestwa G., Gestwa K. Ataman oder Dorfsowjet: Zur Einführung der kosakischen Selbstverwaltung im Süden Russlands // Osteuropa. 1993. No. 11. P. A610.

банизации и индустриализации советского времени живут сегодня в городах и могут только условно идентифицировать себя с образом жизни своих предков. Вместо этого в традиционных казачьих областях их место заняли многочисленные неказаки, на что зачастую поступают жалобы со стороны местных исполнителей власти: «В настоящий момент в каждой станице осталось относительно мало казаков. Наше поселение насчитывает свыше 3600 домов. Но казаки составляют только 25%. Остальные – это цыгане, армяне, дагестанцы и другие. Это не казаки. И это настоящая проблема».⁵⁹

Кроме того в наметившихся к началу девяностых годов распределительных битвах проявилось, что образ действий казаков характеризуется тем, что они силой придают дополнительную важность своим требованиям, вместо того, чтобы вступить в переговоры с другими группами населения. И без того существовавшие большие экономические проблемы еще более обострились вследствие распрей подобного рода, а политическая ситуация дестабилизировалась ускоренными темпами.⁶⁰

На пути полного осуществления казачьих требований самым экономически сложным препятствием оказалось то, что полученную казачьей общиной землю нельзя было продать или передать в пользование юридическим или частным лицам, не состоящим в общине. Казачество, которое находилось во власти не только своих собственных политических взглядов и понимания истории, но также специфических социально-утопических представлений патриархального, крестьянского общества XIX века, могло стать серьезной помехой развитию рыночной экономики в посткоммунистической России.

Кроме того, как было упомянуто выше, старая номенклатура наладила тесные связи с ведущими лицами казачьего движения и со своей стороны поддерживает повторное введение казачьего экономического уклада, чтобы использовать его для сохранения за собой и в дальнейшем полномочий распоряжаться официально признанными казачьими земельными владениями.⁶¹

⁵⁹ Интервью с Игорем Викторовичем Якушевым, начальником колхоза в Новочеркасске, 27 июня 1994.

⁶⁰ Фомин В. Казачий круг приветствуют «День» и «Молодая гвардия» // Литературная газета. 1991. № 48. С. 2.

⁶¹ Gestwa, Gestwa: Ataman oder Dorfsowjet. P. A610.

Казачья модель демократии *Круг*

Главный аргумент вновь созданного казачества в поддержку тезиса о казачестве как народном движении низов, которое не противоречит демократическому преобразовательному процессу в стране, состоит в утверждении, что в сегодняшнем казачестве глубоко укоренились принципы конституции *Круга* как традиционной формы казачьей демократии.⁶²

Круг казаков Дона, Яика и Терека или *Рада* запорожских и кубанских казаков⁶³ были когда-то высшими законодательными и исполнительными инстанциями и в зависимости от величины казачьей общины являлись общим или делегированным собранием всех мужчин-оруженосцев. Но уже в 1721г. эта на то время новаторская форма базовой демократии претерпела значительное ограничение первыми назначениями казачьих атаманов российским государством. Хотя демократия *Круга* оставалась официально признанной в казачьих общинах до XIX века, вместе с социальным дифференцированием населения в казачьих областях, в общем, и растущего предоставления привилегий небольшому слою казачьей элиты (старшинам), в частности, наметилось прогрессирующее выхолащивание ее структур.

Женщинам принимать участие в *Круге* изначально воспрещалось. Мужчинам-казакам предоставлялось право принимать участие в выборах и выставлять свою кандидатуру на выборах с 25 лет. Также, согласно обычному праву *Круга* исключались все неказаки – «иногородние», как их называли в казачьих общинах, и как сегодня опять казаки или их потомки называют неказачьи группы населения в казачьих областях.

Таким образом, нельзя забывать о том, что сегодняшние последователи демократии *Круга* ссылаются на контекст доиндустриального общества, главным направлением которого была исключительно аграрная экономика и в котором подобные правила могли бы быть введены относительно легко. Но семьдесят лет советской власти создали в государстве, экономике и обществе реалии, в которых представляется анахронизмом воссоздание традиционной формы казачьей демократии в XXI веке. В современном, направленном на западные демократические ценности, обществе кажется неммыслимым, что женщины, молодое поколение и даже целая группа граждан государства, определяемая другой группой граждан этого государства как «иногородние», будут исключены из процесса принятия политических решений.⁶⁴

⁶² Канашкин А., Коновалов В. Пространство русской воли: Казачество как творческая идея нашего будущего. Краснодар, 1997.

⁶³ Панфилец В.К. Кубанская страница. Краснодар, 1993.

⁶⁴ Парамонов. «Скакал на серой кобыле...». С. 11.

4. Военная реорганизация казачества

По причине особо важной роли казачества в военной истории России забота о военных традициях с самого начала занимала ключевое положение в казачьем самосознании, что отразилось в программных целях новых казачьих организаций. Наряду с поддержанием военной истории и традиционного казачьего военного искусства,⁶⁵ формированием обмундированных военных подразделений, организацией летних лагерей для казачьей молодежи, проводилось также восстановление казачьих военных частей, как того особенно настоятельно требовали атаманы традиционно размещившихся на Северном Кавказе казачьих войск: «Что касается военной элиты, можно сказать, что у нас есть высокообразованные военные подразделения, которые способны защитить свою Родину. Я думаю, это является мечтой любой страны. Раньше казаки состояли почти только из таких подразделений. Но легкой жизни у них не было никогда. Они возделывали землю и охраняли Родину. Вы можете назвать мне второй такой народ? Для военной службы казак обмундировывался за собственные средства. У казаков была лишь одна привилегия: они не должны были выплачивать налог на землю».⁶⁶

Своими задачами, в которых отражается весь спектр их военно-исторического наследия, казаки видели прежде всего:⁶⁷

- формирование в российской армии казачьих полков, особенно для оперативного ведения в горах военной разведки, а также пехотных дивизий;
- охрану границ;
- подавление местных беспорядков;
- поддержание внутреннего порядка путем образования казачьих подразделений, которым будут поручаться задания органов охраны порядка;
- военное образование с помощью повторного учреждения кадетских и юнкерских школ для казаков.

Эти очень конкретные представления ремилитаризации казачества получили широкий резонанс не только вследствие часто возникавших союзов действующих офицеров и новоизбранных казачьих атаманов. Это подходило также для политических планов государства переформировать вооруженные силы в профессиональную армию. С июня 1991 молодые донские и кубанские казаки были объединены в военные подразделения и с тех пор образовывали казацкие части внутри вооруженных сил.⁶⁸

Кроме этой санкционированной государством ремилитаризации казачества, начало девяностых годов характеризовалось феноменом образования во многих

⁶⁵ Джигитовка, удары кнутом, кнутовище, борьба на кулаках и т.д.

⁶⁶ Интервью с А.П. Кобаковым, атаманом Терекского казачьего войска округа Владикавказ, 7 июля 1994 г.

⁶⁷ Gestwa. Die Wiedergeburt. P. 454-455.

⁶⁸ Бардадым В.П. Ратная доблесть кубанцев. Краснодар, 1993.

местах казачьих военных подразделений, которые избегали любых форм государственного контроля и представляли собой тем самым некую политическую опасность. Эти подразделения в районах внешних границ России самовольно брали на себя функции паспортного и таможенного контроля, а также охраны государственных границ, вмешивались по собственной инициативе в муниципальные вопросы или даже приносили российскому государству внешнеполитические сложности своим вмешательством в национальные конфликты других постсоветских государств. В качестве примера здесь можно привести самовольное вступление казачьих частей в Приднестровье, что дало еще один повод республике Молдова обвинить Россию в агрессии.⁶⁹

К тому же казаки Ставрополя и других регионов юга России ранее других политических сил реагировали на конфликты на Северном Кавказе и волнения в Чечне воззваниями о самозащите и соответствующими требованиями Москве. Часто казачьи активисты при этом возвращались к старым стереотипам врага в лице «диких горных народов» и называли отдельные силовые акции против казаков «геноцидом православного населения». Атаманы ставропольских казаков, а также кубанских и терекских войск уже в начале августа 1994 апеллировали к российскому правительству с требованием или закрыть границу с Чечней, или «поручить властным структурам нормализовать ситуацию в регионе».⁷⁰ Казачьи сотни патрулировали пограничную область и контролировали транспортные средства, локально были образованы особые подразделения для быстрого реагирования на возможные нападения. В статье в *Комсомольской правде* под названием «Атаман седлает своего коня» еще до начала войны с Чечней сообщалось о крайней напряженности ситуации после чеченского захвата заложников в Минеральных Водах, при котором были убиты представителя местных казачьих общин.⁷¹

5. Казачество как сословие

С социально-исторической точки зрения казаки во время царской империи были сословием, которому взамен за выполнение некоторых военных заданий предоставлялись определенные привилегии.⁷² Современное возрождение казачества во многом имеет своей целью реставрацию этого сословного правового статуса. Так казаки требуют за выполнение определенных военных и милицейских заданий в качестве вознаграждения право на:

- владение их традиционным огнестрельным и колющим оружием;

⁶⁹ Schroeder H.-H. Vereinigte Streitkräfte und nationale Armeen // Osteuropa. 1992. No. 8. P. 676.

⁷⁰ Ставропольская правда, 2 августа 1994 г.; Российская газета, 3 августа 1994.

⁷¹ Комсомольская правда, 9 августа 1994 г.

⁷² Goehrke. Historische Selbststilisierung.

- организацию клубов и проведение занятий в общеобразовательных школах для обеспечения предвоенного образования казачьей молодежи;
- получение выгодных государственных кредитов и освобождение от налогов;
- разрешение, улаживать правовые споры казачьим самосудом, который среди прочего предусматривает телесные наказания.

Выполнение этих требований означало бы как минимум частичное возрождение казачьего сословия, но было бы по многим пунктам несовместимо с введением современного гражданского кодекса и обязательного для всех гражданского права. Посредством предоставления особых прав одной из групп населения потеряли бы юридическую силу общепринятые правовые нормы, что повлекло бы за собой потерю компетенций государства. Кроме того, новая российская государственность создала бы прецедентный случай, который поддержал бы другие социальные и этнические меньшинства в их стремлении к получению привилегий и поставил бы под вопрос внутреннюю целостность российского правового и административного пространства.

В особенности с этой точки зрения следует оценивать закон «О государственной службе российского казачества», который был подписан 6 декабря 2005 года Президентом Владимиром Путиным. Этот так называемый «казачий закон» можно рассматривать как попытку московского руководства полностью регламентировать привлечение казаков к гражданским, военным и милицейским заданиям и создать двустороннюю правовую основу популярной практики вовлечения вновь образованного казачества в службу государству. Кроме того этим законом были определены главные нормы ведения государственного реестра казачьих общин в пределах Российской Федерации и способ заключения договоров федеральных, региональных и местных ведомств с казачьими общинами. Других видов деятельности российских казачьих общин, напрямую не связанных с государственной службой, этот новый регламент не касался.⁷³

6. Заключительные размышления

Тот факт, что казакам в девяностых годах прошлого века удалось добиться положительного решения некоторых политических требований, демонстрирует, что казачество в посткоммунистической России развилось в самостоятельную политическую силу. Но в целом представляется спорным, сможет ли казачество занять адекватное место в России, придерживающейся западных принципов демократического правового государства. Демократические силы в сегодняшнем российском обществе опасаются, что казачество является лишь своего рода марио-

⁷³ Федеральный закон Российской Федерации от 5 декабря 2005 г. № 154-ФЗ «О государственной службе российского казачества» // Российская газета, 8 декабря 2005.

неткой в руках старой номенклатуры, которая использует казаков для охраны своих собственных интересов. Тот факт, что многие представители старой системы имеют тесные связи с казачьими атаманами, делает эти опасения обоснованными.

Таким образом, вновь возникшее казачество со своей романтизацией традиционного крестьянского патриархального образа жизни служит типичным примером широко распространенного в современной России крестьянского варианта поиска себя, к сторонникам которого принадлежат и некоторые представители интеллектуальной элиты, как, например, недавно умерший писатель и лауреат Нобелевской премии Александр Солженицын.⁷⁴

Своим возвратом к национальным корням Россия проложила нелегкий путь к будущему. Вопрос заключается в том, насколько далеко или на что конкретно нужно ориентироваться в российской истории, чтобы найти твердую опору для дальнейшего развития. Промышленная революция в XIX веке охватила также и Россию, но приспособление государства ко все более стремительному прогрессу экономического и социального развития происходило в замедленном темпе.⁷⁵ Экономический рост последних десятилетий царской империи происходил в резком противоречии с характерно имперской реакционной и консервативной внутренней политикой Александра III и Николая II, что мешало развитию демократически-либеральных идей.⁷⁶

Царская Россия имела в своей истории период частичной модернизации, но демократически-либеральные традиции были выражены лишь слабо. Структура общества, которой располагали современные ей западные индустриальные государства, отсутствовала почти полностью. Эта ситуация не привела к развитию

⁷⁴ Solzhenitsyn A.I. *Rußland im Absturz*. Wien/ Köln/Weimar, 1999; idem. *Die russische Frage am Ende des 20. Jahrhunderts*. München/Zürich, 1994; Thomas D.M. *Solschenizyn: Die Biographie*. Berlin, 1998.

⁷⁵ О затянутой государственной модернизации царской империи: Baberowski J. *Die verhinderte Konstitution: Justiz und Autokratie im späten Zarenreich. 1864-1917* // Mohnhaupt H. (Ed.). *Vorträge zur Justizforschung: Geschichte und Theorie*. Bd. 2. Frankfurt am Main, 1993. P. 369-404; Rogger H. *Russia in the Age of Modernization and Reform 1881-1917*. L., 1983; Crisp O. *Labour and Industrialisation in Russia* // *The Cambridge Economic History of Europe*. Vol. 6. Cambridge, 1966. P. 308-414; Figes O. *Die Tragödie eines Volkes: Die Epoche der russischen Revolution 1891-1924*. Berlin, 1998; Clowes E.W., Kassow S.D., West J.L. (Eds.). *Between Tsar and People: Educated Society and the Quest for Public Identity in Late Imperial Russia*. Princeton, 1991; Hausmann G. (Ed.). *Gesellschaft als lokale Veranstaltung: Selbstverwaltung, Assoziierung und Geselligkeit in den Städten des ausgehenden Zarenreiches*. Göttingen, 2002; Kingston-Mann E. (Ed.). *Peasant Economy, Culture and Politics of European Russia 1800-1921*. Princeton, 1991.

⁷⁶ О ситуации политического либерализма в уходящей царской империи: Galai Sh. *The Liberation Movement in Russia 1900-1905*. Cambridge, 1973; Melissa St. *Miliukov Paul and the Quest for a Liberal Russia, 1880-1918*. Ithaca, 1996; Dahlmann D. *Die Provinz wählt: Rußlands Konstitutionell-Demokratische Partei und Dumawahlen 1906-1912*. Köln, 1996; Birth E. *Die Oktobristen 1905-1913: Zielvorstellungen und Struktur*. Stuttgart, 1974; Партия «Союз 17 октября»: Протоколы съездов, конференций и заседаний ЦК (1905-1915 гг.) в двух томах. М., 1996/2000; Протоколы Центрального Комитета и Заграничных групп Конституционно-демократической партии 1905-середина 1930-х гг. В 6 тт. М., 1994-2000.

современных демократических ценностей и имела своим следствием введение давно устаревших элементов правопорядка аграрной эпохи, как, например, демократии *Круга* или перераспределительных общин, чуждых модели современной демократии и просвещенного правового государства.

Российское правительство стоит сейчас перед сложной задачей, перенаправить давление со стороны казаков в русло общегосударственных рамок. Это объясняет тактику введения переговоров правительства с казачьим руководством с целью согласовать динамику казачьих организаций с официальными правоохранительными структурами, с тем, чтобы государство имело к нему как минимум не прямой доступ. Многие наблюдатели даже надеются, что форсированное с помощью этих законов участие казаков в выполнении практических задач приведет к ослаблению их изначальной радикальности.

И в других бывших республиках Советского Союза возникают конфликты, вызванные реабилитационными требованиями живущих там казаков, которые, вместе с существующей сложной экономической и политической ситуацией, а также с растущим национализмом сторон, могли бы привести к обострению ситуации. Например, в Казахстане казаки совместно с остальными живущими там неказацкими русскими представляют возможный потенциал для конфликта.

В общем можно утверждать, что дальнейшее развитие казачьего вопроса во многих отношениях будет критерием, по которому можно оценивать модернизацию посткоммунистической России, а также ее попытки создания новой политической культуры.

Перевод с немецкого: Елена Сивуда.